

Фриц Вентцель

**Обратный билет. Воспоминания
о немецком летчике,
бежавшем из плена**

«Центрполиграф»

Вентцель Ф.

Обратный билет. Воспоминания о немецком летчике, бежавшем из плена / Ф. Вентцель — «Центрполиграф»,

В книге рассказывается о жизни бывших немецких офицеров в лагерях для военнопленных, расположенных в Англии и Канаде. Главный герой — Франц фон Верра прославился как единственный немецкий военнопленный, сумевший дважды бежать из плена: английского и канадского. Удивительную историю его побегов рассказывает Фриц Вентцель, лично знавший фон Верру.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Фриц Вентцель

Обратный билет. Воспоминания о немецком летчике, бежавшем из плена

Глава 1

В ЛУЧАХ ПРОЖЕКТОРА

Онемевшими пальцами я вцепился в свой спасательный жилет. Не зная, как поступить, я намеренно тянул время. Может быть, надо официально представиться? С другой стороны, англичане вряд ли ожидают, что потерпевший кораблекрушение, промокший насквозь моряк, одетый лишь в нижнюю рубашку, брюки и носки, станет представляться по всей форме, как того требуют международные правила. В конце концов я просто назвал свое имя и звание и последовал за матросом. Он проводил меня на корму, где для меня была приготовлена горячая ванна. Я стянул свою мокрую одежду и погрузился в воду.

– Какой сегодня день? – спросил я моряка, который отжимал мою мокрую одежду.

– Тридцатое октября, сэр.

Это коротенькое вежливое слово «сэр» приободрило меня.

– Холодновато сегодня для купания, не так ли, сэр? – решился приветливо спросить он.

Дружелюбие и сочувствие, сквозившие в его голосе, воодушевили меня.

– Да, немного, – сказал я, твердо решив не вылезать из горячей ванны, пока меня оттуда не выгонят.

Ведь я только что с полчаса барахтался в ледяной воде. Наверное, я был слишком занят своими мыслями, хотя теперь, по прошествии времени, я никак не могу вспомнить, о чем же я думал в течение тех тридцати минут, что провел в полном одиночестве в водах Атлантического океана. Матрос унес мои вещи в машинное отделение для просушки, и я остался один.

На первый взгляд положение вещей представлялось немного забавным. «Всем за борт!» – прокричал Йениш. Мы столпились на верхней палубе «U-32», беспомощно глядя на два эсминца, что забросали нас глубинными бомбами и вынудили нашу лодку подняться на поверхность. «Я открываю кингстоны», – добавил Йениш и с этими словами исчез в лодке, чтобы своими руками затопить судно. «Считаю до трех! – прокричал я экипажу. – На счет «три» все прыгают за борт». Матросы колебались, глядя на неприветливую серую воду. Вокруг нас свистели снаряды. «Надо скорее выбираться отсюда, – подумал я, – или нас всех тут перебьют».

«Раз!» – закричал я...

На счет «три» я, заставив себя не думать о ледяной воде, прыгнул за борт.

Мой спасательный жилет оказался в полном порядке и исправно держал меня на воде. Целы ли остальные? Я огляделся вокруг. Я был совершенно один. Подводная лодка была уже в сотне ярдов от меня, и расстояние между нами все увеличивалось. Ее двигатели все еще работали. А я был совершенно один в этом безбрежном и глубоком океане. Когда я подумал о том, что сказали бы мои друзья, я не выдержал и рассмеялся – мне и в голову не приходило, что может возникнуть такая ситуация. Какого дьявола все остальные не прыгнули вместе со мной? На самом деле я прекрасно знал, почему они так поступили и что они думали. Старик отправился вниз открывать кингстоны и оставил вместо себя какого-то сопливого юнца. Прыгать вместе с ним за борт? Да ни за что!

Когда такие, как я, желторотые юнцы оканчивали специальные курсы командиров подводных лодок, нас приставляли в качестве «подмастерьев» к более опытным командирам,

чтобы мы узнали, что к чему, и понюхали пороху, прежде чем нам доверят подлодку. Члены экипажа не воспринимали нас всерьез, в их глазах мы не были «настоящими подводниками».

Я был временно откомандирован под начало лейтенанта Йениша, командира субмарины «U-32». Он считался одним из лучших моряков и уже удостоился самых высших наград.

25 октября 1940 года, за пять дней до случившегося, «U-32» вышла из Лорьяна – французского порта, который использовался для стоянки немецких подводных лодок во время войны. Наша боевая задача была сформулирована кратко и исчерпывающе: ведение войны в Северной Атлантике. Мы провели в море около суток, когда получили радиограмму, в которой сообщались координаты большого британского пассажирского судна «Императрица Британии». Судно подверглось бомбардировке, и нам предстояло окончательно потопить его. Мы направились в указанное место – это было у западного побережья Ирландии – и там обнаружили, что два буксира под охраной двух эсминцев тянут «Императрицу Британии» в порт. Нам удалось выполнить поставленную перед нами задачу. Мы потопили судно и спокойно удалились. С двух залпов пустить на дно 2000 тонн. Неплохо! Мы доложили о нашем успехе командованию и спустя несколько часов услышали, как об этом объявили в специальной сводке новостей.

Через два дня все в тех же водах Атлантики мы засекли огромный пароход. Нам потребовалось несколько часов, чтобы выйти на позицию для обстрела, не вызвав подозрений у капитана судна. «Торпеды к бою!», «Торпеды готовы!», «Огонь!» Мы были уверены в успехе. Еще немного, и список наших успехов потяжелеет еще на 15 000 тонн! Но наша торпеда неожиданно взорвалась в 150 ярдах от лодки. Что за невезение! Капитан парохода заметил вздыбившийся фонтан воды и немедленно изменил курс. Черт побери, неужели мы дадим ему уйти? На таком огромном судне наверняка перевозится ценный груз. Мы всплыли на поверхность и пустились догонять судно. Только через несколько часов нам удалось занять положение, удобное для стрельбы. К этому времени видимость заметно ухудшилась. На всякий случай Йениш дал команду погружаться и прильнул к перископу. С корабля увидеть нас было невозможно, и капитан, по всей видимости, решил, что мы остались далеко позади. Теперь пароход держал курс на восток, к Северному проливу.

Мы уже собирались атаковать судно, как вдруг наш акустик сообщил о шуме винтов судна, приближающегося с противоположной стороны. Йениш, стоявший у перископа, конечно, сразу же повернул его, но, ничего не увидев, решил, что акустик ошибся на 180° в определении местоположения корабля, и вернулся к наблюдению за намеченной жертвой.

«Шум винтов за кормой по левому борту усиливается», – доложил акустик.

Йениш снова повернул перископ. После этого все произошло в одно мгновение.

«Опустить перископ! Погружение на шестьсот футов!»

Командир повторил команду так спокойно, словно мы были в тренировочном походе. И тут нашу лодку ощутимо потрянуло. К счастью, глубинная бомба взорвалась слишком далеко, чтобы причинить вред субмарине. Но за этим взрывом последовал другой, а потом еще один, а затем целая серия взрывов. Нас забрасывали глубинными бомбами. Мы погрузились на 600 футов и затаились.

Ни одного звука не должно было доноситься с борта подлодки.

Оказывается, Йениш совершенно неожиданно обнаружил в перископ эсминец. Корабль двигался прямо на нас, чуть поодаль шел второй эсминец.

Теперь мы знали, что на нас открыта охота. Мы должны были сидеть тихо, как мыши. Команды отдавались еле слышным шепотом, и проклятие должно было пасть на голову того, кто осмелился бы чихнуть! Наше присутствие должно было оставаться незамеченным даже для самой чуткой акустики. Неожиданно над корпусом лодки мы слышали странный шум – словно кто-то швырял в нас песок и тот, шурша, скатывался со стальных бортов субмарины.

Наш акустик доложил, что шум винтов усиливается. Через несколько мгновений мы и сами услышали его. Он раздавался прямо над нашей лодкой.

Ощущение было как при воздушном налете. Только неделю назад я, скорчившись, сидел в подвале в Лорьяне, а над головой рвались британские бомбы. Самое худшее в такой ситуации – чувство бессилия.

«Полная скорость и право руля!» – скомандовал Йениш.

Один за другим стали рваться снаряды из второй партии. Одна бомба разорвалась слишком близко, и мы почувствовали себя крайне неудобно. Затем раздался грохот, словно в нашу лодку ударила молния. Должно быть, еще одна бомба. Свет погас, подлодку резко подбросило вверх, и где-то в темноте послышался слабый свист – это улетучивался сжатый воздух.

«Руль заклинило», – доложил рулевой.

«Нам придется взорвать лодку!», – закричал фон Г., вахтенный офицер.

«Так взрывайте», – отозвался Йениш.

Субмарина начала подниматься на поверхность. На ее борту царили суеда и легкая паника. Кроме меня на подлодке было еще несколько новичков, один из них – боцман. Он пребывал на грани нервного срыва с того самого момента, как мы вышли из Лорьяна, и нервировал остальных, постоянно твердя о своих ужасных предчувствиях. У этого человека, наверное, было что-то не в порядке с психикой. Инженер-механик Тимм был полной противоположностью боцману, его ледяное спокойствие напоминало айсберг. Он отдавал команды коротко и уверенно и неизменно оказывался там, где нужна была помощь. Его хладнокровие успокаивающе действовало на окружающих.

Как только субмарина всплыла, Йениш поднялся наверх и открыл люк рубки. На палубе он огляделся. Я оставался в рубке и передавал в лодку команды Йениша:

«Торпедные аппараты один и два готовы!»

Матросы стояли бледные, молчаливые и испуганные. Сейчас им предстояло взорвать свою подлодку. Тем временем неприятель продолжал обстреливать нас.

«Свистать всех наверх!» – скомандовал Йениш, и матросы поспешили на палубу, где все столпились словно мокрые куры под дождем, а вокруг нас рвались снаряды...

Я стал свидетелем того, как пошла на дно наша подлодка. Это случилось едва ли не в сотне ярдов от меня, и я отчетливо слышал крики людей, но было уже слишком темно, и я не мог различить их лица. Если бы все случилось часом позже, мы наверняка сумели бы ускользнуть под покровом темноты.

Лучи прожекторов были направлены на то место, где лодка ушла под воду. Один из лучей освещал меня до тех пор, пока я не вскарабкался по канату, спущенному с борта британского эсминца «Харвестер».

– Вы готовы, сэр? – прервал мои размышления вернувшийся британский матрос.

На одной руке у него висело большое банное полотенце, а на другой – штатский костюм, который пришелся мне впору.

После того как я принял ванну и переоделся, я спросил у британского офицера, всех ли подобрали.

– Думаю, да, – сказал он. – Мы подняли на борт тридцать два человека, остальных выловил другой эсминец.

Подшли другие офицеры, одетые в белые парадные кители, и дружески приветствовали меня, Йениша и фон Г., которые, как и я, были облачены в костюмы с чужого плеча. Британцы были очень довольны своим успехом и обращались с нами весьма дружелюбно.

До войны я часто играл в хоккей против британских морских офицеров, а также участвовал в регатах. Когда мы проигрывали, они приглашали нас на обед. Британцам шла роль победителей: они радовались своей победе, но при этом не забывали о проигравших. В то время, в октябре 1940 года, на войне все еще оставалось место рыцарству и человечности.

Йениш чувствовал себя на борту британского корабля не очень уютно. Он не брился уже пять дней и выглядел довольно неряшливо, но у него была и другая, более веская причина для беспокойства. Именно Йениш незадолго до гибели своей подлодки затопил судно, перевозившее детей, и теперь боялся наказания за это, хотя на самом деле он был не так уж и виноват. Ничто не говорило о том, что на борту этого судна, следующего в США, находилось больше тысячи британских детей. Отдавая приказ о торпедировании судна, Йениш был совершенно уверен, что перед ним самый обычный британский корабль. По всей вероятности, британские власти прекрасно понимали это, потому что никакого наказания для Йениша не последовало.

Нас пригласили в кают-компанию, где уже собрались офицеры «Харвестера». Когда мы вошли, они над чем-то громко смеялись. Оказывается, самым смешным им показалось то, что наша подлодка практически не пострадала от их снарядов, и они вволю поиздевались над «метким» артиллеристом. Когда в кают-компанию вошел командир эсминца, воцарилась тишина. Наверное, от нас ожидали каких-то речей. Но что говорить? Благодарить их за то, что они подобрали нас? Поздравить их с успехом? Йениш предпочел промолчать. Я тоже не нашелся, что сказать. Командир положил конец неловкой паузе, великодушно пригласив нас отобедать с британскими офицерами.

Если ему удалось выжить в этой войне, я бы хотел поблагодарить его, пусть и несколько запоздало, за оказанное им гостеприимство.

Я так подробно описываю первый этап моего плена только оттого, что в течение семи лет плена эти мгновения вновь и вновь всплывали в моей памяти, неопровержимо свидетельствуя о том, что между немецким и британским народами не существовало врожденной неприязни. Война со всеми ее жертвами, разрушениями и кровопролитием была сущей глупостью. Мы, моряки, старались быть гуманными и человечными, насколько это было в наших силах, и не наша вина, что с течением времени все это было забыто.

Обед удался на славу. Британские офицеры обращались с нами так, будто мы были их гостями, лишь один нахальный юнец не в силах был сдержать свое любопытство и засыпал нас вопросами.

– Если он покажется вам чересчур назойливым, дайте ему команду «смирно», – добродушно сказал командир эсминца.

За столом завязалась оживленная беседа. Самым разговорчивым оказался лейтенант Р.Х. Ходжкинсон. Его имя запечатлелось в моей памяти потому, что на мне был его костюм.

Во время обеда у меня было достаточно времени осмотреться. Бросилось в глаза, что офицерская кают-компания здесь была куда более скромной, чем на германском корабле такого же класса. Простота и практичность – вот как я могу описать это помещение. Ни на минуту не возникало сомнения в том, что находишься на военном корабле. Единственное, что здесь напоминало британцам о доме, – камин. Он был, конечно, электрическим, но с имитацией дров и языков пламени, и распространял приятное тепло.

После обеда судовой врач, казначей, старший механик и офицеры придвинули к камину кресла и пригласили меня присоединиться к ним.

– Вы, конечно, не нацист? – спросил врач.

Я ответил ему, что мы все – нацисты. Врач ничего не сказал, но заметно смутился. Действительно ли мы все были нацистами? Позднее в британских лагерях для военнопленных моряков с немецких подлодок часто называли довольно неловко – «морскими эсэсовцами», что было явной несправедливостью. Мы служили адмиралу Дёницу. Так вышло, что Дёниц служил Гитлеру. Следовательно, и мы все служили Гитлеру. Но если бы в один прекрасный день Дёниц сказал нам: «Этот Гитлер – преступник. Настало время избавиться от него», мы бы пошли за Дёницем, потому что именно он, а не Гитлер был нашим командиром.

Впрочем, я не собираюсь скрывать, что поначалу мы все восхваляли Гитлера. Огромная волна энтузиазма, прокатившаяся по Германии в те годы, захлестнула и нас. Но ни один немецкий моряк ни на минуту не мог себе представить, что существует серьезная вероятность новой войны с Англией. Прежде всего, как могли мы с несколькими кораблями противостоять могучему Королевскому флоту? И со времен Первой мировой войны мы все время твердили: «Нет, нет, больше никогда». Мы больше не хотели ввязываться в братоубийственную войну, но поневоле оказались в нее втянуты.

Мы знали, что не сможем победить Англию на море, поэтому больше рассчитывали на сухопутное вторжение. Именно оно должно было решить все наши проблемы. Мы все еще верили Гитлеру, да и кто в то время ему не верил? Сами посудите: Гитлер слов на ветер не бросал, стоило ему серьезно взяться за дело – и почти вся Европа была у его ног. После Дюнкерка британская армия тоже была обескровлена, британское ополчение было плохо вооружено, и мы верили, что наша закаленная в боях армия может с легкостью разгромить Британию. Для этого немецким солдатам нужно лишь переправиться через Ла-Манш, и в один прекрасный день все это случится.

Мы, моряки, ничего не знали об исходе Битвы за Англию. Нам рассказали об этом пилоты люфтваффе, с которыми мы встретились в лагерях для военнопленных. Но даже тогда мы все еще верили, что рано или поздно Гитлеру удастся покорить Великобританию. Версальский позор будет забыт, и Европа объединится под властью Германии. Этих иллюзий мы лишились не скоро.

Теперь я был военнопленным, но в тот первый вечер моего плена, сидя у электрического камина на борту «Харвестера», я чувствовал себя довольно уверенно. Наши британские охранники порой жаловались на то, что мы бывали излишне грубы и хвастливы, и я вынужден признать, что это было правдой в отношении некоторых из нас. Виной всему привычка немца во всех ситуациях чувствовать себя победителем. Но прежде, чем строго судить нас, может быть, стоит вспомнить, что наша история не слишком баловала нас истинными победами, где же нам было научиться скромности? Вот и теперь, даже попав в плен, мы не ощущали себя побежденными.

Когда настало время ложиться спать, лейтенант Ходжкинсон пожелал нам спокойной ночи и проследил, чтобы нас удобно устроили. Мы попросили у него разрешения увидеться со своими товарищами, но в ответ услышали вежливый отказ: «Сами понимаете, правила».

Мне отвели удобную койку с надувным матрасом в каюте капитана, но я почти не спал, мне мешали мысли. Где-то внизу ритмично шумели винты эсминца. Корабль шел на восток, и уже на следующий день мы должны были достигнуть берегов Британии.

Когда мы проснулись, в плохо прикрытые иллюминаторы уже просачивался рассвет. Матрос принес нам нашу просохшую одежду, хотя кое-что из предметов одежды пропало, например мое белье. Позже я узнал почему. Еще до того, как мы покинули Лорьян, мне выдали новое обмундирование, и кое-какие доставшиеся мне вещи были из трофейного британского имущества. В те дни все наши подводники щеголяли в британском армейском обмундировании. Экипаж «Харвестера» узнал метки на белье и от имени ее величества реквизировал имущество. По всей видимости, этот инцидент внушил британцам неверное представление о нас. Как бы там ни было, но отношение к нам моментально изменилось. Британцы были все так же вежливы, но дружелюбие их пропало.

Первым, чего я лишился во время своего заключения, была бритва. Я не брился уже почти неделю и зарос, как бродяга. Вообще-то подводники любят отращивать бороду. Это своеобразный знак принадлежности к клану подводников. Иногда по длине бороды можно судить о том, как долго человек служит на флоте. Что касается меня, то нескольких дней мне хватило, чтобы понять, что бороду мне носить не придется. Вместо приятной на вид темной бородки, какие часто можно видеть у офицеров-подводников в фильмах, у меня на подбородке

росло нечто, напоминавшее ржавую проволоку. Пожалуй, впервые в жизни мое отражение в зеркале по-настоящему расстроило меня. Скоро мы должны были сойти на английский берег, и больше всего хотелось мне избавиться от этой рыжей щетины. Но никто не собирался давать мне бритву. «Правила, сами понимаете». Неужели они в самом деле полагали, что мы перережем себе горло? Ни у кого из нас не было по-настоящему красивой бороды, так, одна щетина, и при дневном свете мы, должно быть, выглядели довольно неряшливо.

После завтрака в кают-компанию вошел лейтенант Ходжкинсон. На этот раз он принес коробку, полную часов, колец, портсигаров, записных книжек и других ценных вещей, и каждый из нас мог предъявить права на свою собственность. Чувство морского товарищества не позволило британским морякам лишить нас нашего имущества. Позднее, впрочем, нам пришлось пережить ряд неприятных моментов. Некоторые из молодых матросов, что охраняли нас, довольно нахально собирали «сувениры». Однако мы тут же сообщали о подобных случаях офицерам, и они делали все, что в их силах, чтобы вернуть нам утраченное имущество.

Удивительно, но мои наручные часы оказались в целости и сохранности и исправно шли. Я уже собирался похвастаться этим, как вдруг заметил под стеклом циферблата каплю воды. Поскольку часы считались водонепроницаемыми и имели герметичный корпус, я не мог извлечь эту каплю. Должно быть, перемена давления в подлодке повредила часы, а может быть, во время последнего ремонта часовщик неплотно закрыл крышку. В любом случае мои прекрасные часы оказались очень даже водонепроницаемыми. Постепенно вода проникла в корпус, повредила механизм, и часы встали, и, прежде чем я успел передать их в руки мастера, механизм окончательно заржавел. Рождество 1941 года я встречал в канадском лагере для военнопленных. Геринг устроил так, что содержащиеся в лагерях пилоты люфтваффе получили рождественские подарки. Каким-то образом в этот рождественский список включили и нас, моряков. Нам сказали, что мы можем выбрать себе рождественский подарок на сумму в 25 долларов, и я выбрал наручные часы.

Из суеты, поднявшейся на корабле, мы заключили, что эсминец готовится войти в гавань. За ночь «Харвестер» обогнул север Ирландии и вошел в Ферг-оф-Клайд. Теперь корабль направлялся на свою базу в Гриноке, в устье реки Клайд.

По картам я хорошо знал этот район. Много времени мы провели в штаб-квартире нашего командования в Париже, изучая карты устья реки Клайд и спрашивая себя, возможно ли повторить то, что сделал Гюнтер Прин в заливе Скапа-Флоу. Немецкие подлодки дважды предпринимали попытку войти в устье реки Клайд и торпедировать стоявшие там на якоре корабли. Первая немецкая субмарина достигла внешних укреплений и повернула назад, доложив командованию, что проникнуть в устье незамеченным практически невозможно.

Но адмирал Дёниц любил повторять, что в его лексиконе нет слова «невозможно», поэтому несчастного командира подводной лодки с позором уволили с его поста и это ответственное задание поручили другому. 12 февраля капитан-лейтенант фон Дрески привел свою подводную лодку «U-33» к тем же самым укреплениям и вскоре обнаружил то же самое, что и его коллега: невозможно незамеченным преодолеть укрепления в устье реки Клайд. Но фон Дрески решил пренебречь словом «невозможно» и посмотреть, что из этого получится. Он поднял лодку на поверхность, скомандовал «Полный вперед» и пошел на таран укреплений. Ему удалось проникнуть в устье реки, но его, разумеется, заметили. Несколько эсминцев и противолодочных кораблей тут же сели ему на хвост. Скорость их была куда выше, чем у подлодки фон Дрески, и он решил искать спасение на глубине, но это было бесполезно. Британцы пустили в ход глубинные бомбы, и вскоре все было кончено. Не многим из экипажа фон Дрески удалось спастись. Одним из таких счастливиц был инженер-механик Шиллинг. Его командир, фон Дрески, погиб, ценой своей жизни доказав адмиралу Дёницу, что проникнуть за укрепления в устье реки Клайд незамеченным действительно невозможно.

И вот я сам должен был проникнуть за эти укрепления, но – ирония судьбы! – на британском корабле.

Эсминец неспешно приближался к гавани, когда лейтенант Ходжкинсон спустился к нам, чтобы попрощаться.

– Я хочу пожелать вам всего наилучшего, – сказал он. – Мы передадим вас британским властям, и вас направят в один из лагерей для военнопленных. Но не вешайте нос! Когда-нибудь все это кончится.

Он пожал руку каждому из нас.

– Сами понимаете, потом у меня уже не будет такой возможности.

Мы понимали. Снова «правила». Шум винтов начал стихать, и мы услышали отрывистые команды и топот ног. Затем неожиданно наступила полная тишина. «Харвестер» встал у причала. Чуть позже мы слышали, как рядом швартуется второй эсминец, «Хайлендер», на котором были остальные члены экипажа нашей субмарины. И вот, наконец, нас вывели на палубу.

Это был самый обычный причал, похожий на все те, что я видел раньше. Чуть поодаль стояли самые обычные склады. Однако возле причала толпились британские солдаты – должно быть, это были члены комитета по организации торжественной встречи. наших товарищей вывели на палубу. Они выглядели весьма странно с шестидневной щетиной на лицах, кто-то был в обмундировании, другие в одежде с чужого плеча и каких-то вязаных фуфайках, но все они засияли, стоило им увидеть своего Старика. Йениш попробовал пересчитать их. Пока нельзя было с точностью сказать, кого можно было считать пропавшим, потому что несколько наших товарищей находились на другом эсминце. Они присоединились к нам, как только мы сошли на причал. Теперь не было никаких сомнений: мы недосчитались семерых, включая второго помощника Дамма. Йениш обеспокоенно повернулся к Тимму и задал ему какой-то вопрос.

– А ну, тихо там! – проорал один из наших стражей.

И если мы не замечали этого до сих пор, теперь самое время было очнуться – мы были военнопленными. Мы больше не были хозяевами своей судьбы. Мы должны были подчиняться чужим приказам. Любая попытка оказать сопротивление или просто выразить протест была напрасной и бессмысленной.

Говорят, что японские самураи слишком горды, чтобы позволить кому-либо пленить себя. Они предпочитают сделать себе харакири, но не подвергаться унижениям. Что касается меня, то, когда я качался на волнах Атлантического океана, я думал не о своей гордости, а только лишь о спасении своей жизни и потому был очень рад, когда меня выудили из воды моряки с британского эсминца. Конечно, за семь лет моего плена мне пришлось испытать немало унижений. Когда они выпадали на мою долю, я лишь крепче сжимал зубы. Плен, каким бы он ни был, не проходит для человека бесследно. Лишь спустя годы после моего освобождения я вновь обрел уверенность в себе.

Забавно, но тогда исполнилось одно из моих желаний. Я много лет стремился попасть в Англию, но мне все никак не представлялось удобного случая. Ну вот, теперь он представился. На самом деле мы, конечно, были в Шотландии, но я решил не привередничать.

Нас построили парами, словно новобранцев, и мы выступили в поход. Когда мы проходили мимо «Харвестера», моряки бросали нам с палубы пачки сигарет. Это был последний привет от Королевского военно-морского флота, и мы были искренне признательны этим морякам.

Три года спустя немецкая субмарина потопила «Харвестер». Я от всей души надеюсь, что список погибших был не слишком длинным.

Глава 2

НЕУДАЧА

31 октября 1940 года я ступил на шотландскую землю в качестве военнопленного. К этому времени я проплавал уже десять с половиной лет, но ни разу за все это время мне не доводилось сидеть в тюрьме. Что ж, теперь у меня появилась возможность наверстать упущенное. Моей первой тюрьмой стали казармы для пехоты в Глазго. Дверь камеры захлопнулась, и мною овладело гнетущее чувство. Впрочем, я немного приободрился, когда через некоторое время дружелюбный охранник принес мне вкусный обед.

После обеда я сидел на жесткой койке и прислушивался к звукам, доносящимся с улицы. Прильнув к зарешеченному окну, я мог видеть все, что происходило снаружи, а именно самый обычный плац и взвод новобранцев, которых учили маршировать. Этот процесс казался бесконечным. Через некоторое время прибыл оркестр, и солдаты принялись маршировать под музыку. Оркестру никак не удавалось доиграть мелодию до конца, потому что сержант, занимавшийся строевой подготовкой солдат, прерывал музыку всякий раз, когда был недоволен новобранцами, а такое случалось часто.

В другом углу плаца солдаты отрабатывали приемы штыкового боя. На шесты были насажены чучела – наверное, они должны были олицетворять немецких солдат, – и новобранцы с энтузиазмом набрасывались на эти чучела, стараясь проткнуть их штыком.

На закате охранник принес мне большую кружку чая и несколько толстых ломтей хлеба с джемом – это был мой ужин. Еще он принес мне два теплых одеяла, чему я очень обрадовался. Как я уже говорил, это был последний день октября, и в камере было довольно прохладно. Закончив ужин, я завернулся в одеяла и тут же уснул.

К сожалению, спал я недолго. Меня разбудил звук открывающейся двери, яркий свет и чей-то резкий голос. Он принадлежал офицеру, который явно был чем-то недоволен. Как оказалось, согласно «правилам» мне полагалось лишь одно одеяло. Мною овладело сильное искушение высказать офицеру все, что я думаю по этому поводу, но, к счастью, я сдержался и молча отдал одеяло.

После этого я долго ворочался, пытаюсь уснуть. Одного одеяла было явно недостаточно, чтобы согреться, ведь на дворе была уже практически зима, и время от времени мне приходилось вставать и делать зарядку, чтобы не замерзнуть. На следующее утро я постарался привести себя в порядок, насколько это было возможно, но щетина попрежнему колосилась на моем лице. Мне так и не дали бритвенных принадлежностей. Может быть, они хотели сделать из нас пугал для своих детей? Впрочем, мы скоро должны были покинуть это место. Охранник сказал, что мы здесь всего на одну ночь. Он оказался прав. Нас вывели во двор и посадили в грузовик. Новобранцы все еще занимались строевой подготовкой, а оркестр по-прежнему играл все ту же мелодию. Наверное, это был их полковой марш.

Мы медленно проехали через центр города. Многие дома здесь были разрушены в результате «действий противника». Больше никаких следов войны заметно не было. Впрочем, мы мало смотрели по сторонам, стараясь улучшить возможность и перемолвиться друг с другом хотя бы парой слов.

Тимм рассказал нам, что провел в океане несколько часов, прежде чем его выловили из воды. Семерых пропавших моряков, должно быть, отнесло слишком далеко от эсминцев. Один был ранен осколком снаряда еще на палубе «U-32». Мы с болью думали о них, ожидавших помощи, которая так и не пришла. Существовала, конечно, вероятность того, что на следующий день их подобрало какое-нибудь судно, но никто из нас в это не верил, и мы больше никогда не слышали о наших пропавших товарищах.

Тем временем грузовик привез нас на вокзал, и мы, в сопровождении двух офицеров и десятка солдат, сели в поезд. Должно быть, мы являли собой странное зрелище, и люди сначала в изумлении смотрели на нас, а потом поспешно отворачивались, словно стыдясь своего любопытства. Никто не бросил нам враждебного слова, никто даже не смотрел с ненавистью в нашу сторону. Напротив, в глазах некоторых женщин читалось сочувствие.

Для офицеров приготовили специальный вагон. В нашей группе было четыре офицера, включая меня, и нас держали отдельно от прочих. Мне предоставили отдельное купе, которое я разделил с двумя британскими офицерами. Один из них, лейтенант, до войны был учителем и обо всем имел свое суждение. Вскоре британцы совсем позабыли обо мне и горячо заспорили о чем-то. Я не понимал, о чем они говорили, поскольку мой английский оставлял желать лучшего, поэтому я решил выйти из купе и осмотреться. Но стоило мне подняться, как капитан тут же вскочил на ноги. Я заявил, что мне нужно в туалет, но он настоял на том, чтобы сопровождать меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.